

НОМО ЛУДЕНС БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО УРАЛА (игры и игрушки)

А. В. Епимахов, Н. А. Берсенева

HOMO LUDENS IN THE SOUTH URAL BRONZE AGE (games and toys)

A. V. Epimakhov, N. A. Berseneva

Работа выполнена в рамках программы "Среда обитания и социокультурное пространство Южного Урала и Зауралья в эпоху палеометалла" и при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (госзадание 33.2644.2014/к).

Игра является универсалией человеческой культуры, однако ее опознание в археологических материалах сопряжено с серьезными трудностями, т. к. в большинстве случаев невозможно реконструировать правила, состав участников и пространство действия. Основным доступным источником информации об играх уральского бронзового века является сохранившаяся часть атрибутов игры (астргалы, миниатюрные глиняные изделия и пр.). Часть из них имеет прямые следы участия детей в изготовлении. Судя по косвенным данным, игровой элемент входил и в такие занятия, как охота, тренировки колесничих или кулачные бои, т. е. игра была частью жизни не только детей, но и взрослых. Большинство свидетельств игровой деятельности выявлено при исследовании поселений, однако значительная часть этих находок либо не была выделена авторами раскопок как самостоятельная категория, либо не была интерпретирована как атрибуты ролевой стохастической или иной разновидности игровой практики. Данная работа призвана заполнить этот пробел хотя бы отчасти.

The game is a universality of the human culture. Nevertheless, it is difficult to identify its traces through the archaeological record so it is impossible to reconstruct the rules, teams of participants and space of activity. The main available source for the Ural Bronze Age can be the material attributes of the games (astragals, miniature ceramic items etc.). A part of them has the direct evidence of children's participation in their making. Judging by the substituted data, the game element was also included in the hunting activity, training of charioteers and fisticuffs because the game was a vital part of life not only for the children but also for the adults. The main body of evidence was discovered during the excavation of the settlements but the archaeologists did not consider these artefacts as a special category of items or did not interpret them as game attributes. Our work starts filling this gap.

Ключевые слова: игра, игрушки, бронзовый век, Южный Урал, синташтинская культура, алакульская культура.

Keywords: game, toys, Bronze Age, South Ural, Sintashta culture, Alakul' culture.

*Игра – это функция, которая исполнена смысла
Йохан Хейзинга*

Игра является одной из универсалий человеческой культуры на протяжении всей истории. Вряд ли удастся привести примеры коллективов, не имеющих этой традиции. Не углубляясь в вопрос об истоках, ограничимся данной констатацией, на которой базируются остальные построения настоящей работы. Имеющиеся исторические и этнографические свидетельства игры сколь многочисленны, столь и разнообразны: варьируют практически все элементы – пространство, уровень сложности, состав участников и т. д.

Сущность игры автор термина Homo Ludens определял как «свободное действие» в особом «игровом пространстве», подразумевающее строгий внутренний порядок (правила) и присутствие игрового сообщества [17]. Этой трактовке соответствует множество вариантов физической и ментальной активности, совершаемых не только детьми, но и взрослыми. В зависимости от специализации ученые различают разные функции игры: катарсис (психология), образование и инкультурация (педагогика), эволюция во времени и распространение в пространстве (антропология) и т. д. [23, p. 18 – 19].

В свете изложенного гипотеза о возможности опознания следов игровой деятельности в археологических данных представляется достойной рассмотрения. На первый план выходит проблема критериев. Исходя из характеристики Й. Хейзинги, приведенной выше, задача не выглядит тривиальной. Ключевой трудностью, с нашей точки зрения, является то, что игра – это, прежде всего, процесс, а археология практически всегда имеет дело с его *результатом*, точнее – материальным отражением, искаженным к тому же в результате конверсии археологической информации [8]. Очевидно, что огромное большинство игр следов не оставляет. Сходным образом обстоит дело и с игровым пространством, которым в разных ситуациях мог служить едва ли не любой локус. Наконец, правила игры также недоступны прямому изучению археологическими методами. Таким образом, с одной стороны, игры, несомненно, были неременной частью повседневной жизни в древности, с другой – сам факт их существования, не говоря уже о формах, не слишком легко проиллюстрировать археологическими материалами. De facto основным источником сведений остаются атрибуты игры.

Археология игры (на примере древностей бронзового века)

Возможности извлечения информации мы попытаемся продемонстрировать на примере бронзового века Южного Урала, представленного большой группой культур, связанных не только соседством, но и родством, которые формируют в ряде случаев культурные секвенции. Их совокупность А. В. Матвеев рассматривает в качестве «семьи археологических культур» [12 с. 44]. Общими для них являются основы системы жизнеобеспечения, строительные технологии, погребальная обрядность и пр. Во многих случаях речь идет о синкретических культурных типах, возникавших на базе взаимодействия (абашевско-синташтинские, срубно-алакульские, алакульско-федоровские древности). Большинство культур представлено и поселениями, и могильниками, иногда формирующими синхронные комплексы, что существенно расширяет круг познавательных возможностей.

Мы исходим из того, что игра была занятием не только детей, но и взрослых. Принятие этого тезиса позволяет иначе взглянуть на некоторые хорошо известные факты. Для начала обратимся к парадоксальному сочетанию многочисленной военной атрибутики в синташтинских материалах (фортификация, оружие, колесницы) с полным отсутствием надежных свидетельств реальных военных действий. Несмотря на значительные вскрытые площади поселений, нет примеров военных катастроф, если, конечно, не считать таковыми следы пожаров. Между тем для абашевских и алакульских поселений Зауралья такими памятниками мы располагаем (Мало-Кизильское селение, Коркино I). Отсутствуют и аргументы в части травматизма.

Специализированное оружие и колесничный комплекс предполагают значительную, а главное, практически непрерывную работу по тренингу человека и лошадей [19 и др.]. Для того и другого имеются трассологические доказательства. В случае с роговыми деталями лука и псалями следы *длительной* эксплуатации несомненны [21]. Как известно, состязательность существенно стимулирует качество тренировок, поэтому нет никаких причин отрицать возможность ристалищ на колесницах или соревнований по стрельбе из лука. Хронологически близкие письменные источники не имеют прямого отношения к уральскому бронзовому веку, но колесничная символика представлена в них обильно, в том числе и в интересующем нас аспекте.

В этом же ключе могут быть оценены следы охотничьей деятельности, во всяком случае, для степной части региона, где доля костей диких животных в составе остеологических коллекций обычно составляет несколько процентов [25 и др.]. Ясно, что роль этой отрасли в системе жизнеобеспечения несопоставима с животноводством, но факт стабильного присутствия останков диких животных в составе коллекций требует объяснения, вовсе не обязательно исходящего из сугубо прагматических соображений (пища, мех, рога). Охота, как и состязания, могли служить вариантом тренинга (в том числе военного), что по мотивации близко не производственной, а игровой деятельности. Агрессивные игры часто выполняют и другую функ-

цию – понижают уровень агрессии, которая присуща огромному большинству человеческих коллективов.

«Спортивная» (от старофранц. *desport* – «игра», «развлечение») версия хорошо согласуется и с некоторыми, увы, единичными антропологическими фактами периода бронзового века. В могильнике Бестамак (погребение 40) был захоронен мужчина 30 – 40 лет, спектр прижизненных травм которого невозможно объяснить бытовым насилием или участием в военных действиях (переломы носовых костей, коренных зубов, ребра, локтевого отростка, деформация пястной кости и пр.). С большой долей вероятности можно предполагать, что он был «профессиональным» кулачным бойцом и участвовал в схватках регулярно в течение нескольких лет [13, с. 77 – 78]. Эта картина подразумевает стабильное существование состязаний, близких спортивным, каковы бы ни были их мотивы. Таким образом, малочисленность фактов связана не только с редкостью овеществления игровой деятельности, но и острым дефицитом детальных антропологических анализов.

Наряду со «спортивной» разновидностью игр явно существовали и другие, например, ролевые и стохастические. Последние имеют достаточно аргументов в свою пользу в виде находок игровых костей со знаками на гранях, обнаруженных в широком спектре культур и за пределами рассматриваемой территории [9] и в ее пределах. Разумеется, разграничить гадание и игру по артефактам невозможно, т. к. в обоих случаях они использовались в качестве генератора случайных чисел [14, с. 295].

В коллекциях поселений и могильников бронзового века хорошо представлены и наборы астрагалов. Их трактовка в качестве орудий труда (лошил) состоятельна лишь отчасти. Огромное большинство таких находок не имеет явных следов придания новой формы, что мало согласуется с «орудийной» версией, о том же может говорить и серийность находок в погребениях. Большая доля этих «артефактов» формирует комплексы и сопровождает не только детей и подростков, но и взрослых. Трассологические данные, увы, пока представлены недостаточно, однако примеры трактовки астрагалов в качестве атрибута игры имеются [11; 15, с. 126 и др.; 20], в том числе и со ссылкой на следы манипуляций. Наряду с ними фигурируют и иные интерпретации – культовая, гадальная, символ благополучия [10; 18 и др.]. Очевидно, что строгое разграничение сакрального и профанного в данном случае также вряд ли реально.

Для уточнения понимания обратимся к контексту этой категории находок. В качестве полигона нами избрана синташтинская серия погребений, которая располагает информацией о поле и возрасте погребенных и сравнительно полно опубликована. Астрагалы сопровождали 55 погребений (16 %) практически всех могильников (за вычетом кургана Халвай-3), из которых 48 дают возможность соотнести их с иными категориями инвентаря, антропологические определения имеются для 42 индивидов. Треть от этой выборки составляют захоронения взрослых индивидов, преимущественно женщин (восемь против двух). Обычной была практика включения астрагалов в состав разнообразного погребального инвентаря, вклю-

чая колесничный комплекс. Достоверно известно лишь одно не потревоженное захоронение, сопровождаемое только астрагалами и посудой. Из оставшихся двух третей выборки большинство составляют дети (53 %). Наборы инвентаря этих захоронений не имеют значимых отличий от стереотипа с учетом общей вариативности синташтинской обрядности [6]. Показательно, что доли погребений с астрагалами к общему числу захоронений лиц соответствующей возрастной группы очень близки: для взрослых – 12,4 %, для детей – 16 %. Таким образом, данная категория инвентаря, вероятно, не служила гендерным и возрастным маркером.

Стоит отметить, что в отличие от поселений, единовременные комплексы включают от 4 до 100 экземпляров астрагалов. В некоторых случаях хорошо фиксируется компактность их расположения и даже форма емкости – удлиненный мешок (?), подквадратный туес (?) и пр. В свете обсуждения темы должна быть упомянута находка 12 астрагалов совместно с массивной пластиной из рога лося [5], что позволило предложить версию ее использования в качестве биты.

Примеры, говорящие «за» игровую версию, могут быть умножены за счет срубной, алакульской и других культур. Согласно подсчетам, выполненным авторами данной статьи, в срубных памятниках Южного Урала все астрагалы (количеством от нескольких экземпляров до двух сотен в одном погребении) принадлежали детям и подросткам возрастом от 5 до 14 лет. В большинстве случаев это был их единственный инвентарь, не считая посуды. Петровские и алакульские памятники дают в целом сходную картину, однако четверть погребений с астрагалами принадлежала взрослым (26,3 %), что интересно – это были центральные коллективные погребения (Степное 7, Кривое Озеро). В целом мы не видим причин сомневаться в интерпретации наборов астрагалов как атрибутов игры, учитывая кросс-культурные свидетельства со всего Старого Света, начиная с IV тыс. до н. э. и до наших дней. Однако, данная позиция совершенно не исключает использования астрагалов в обрядовых целях, поскольку игра и обряд, как известно, неразрывно связаны в традиционной культуре.

Дополнительной иллюстрацией реальности игровой деятельности стали результаты анализа традиционно малочисленной, но весьма информативной категории находок, миниатюрных сосудов укрепленного поселения Каменный Амбар [7]. В числе глиняных изделий, многие из которых явно не могли служить посудой, выделяется по данным трассологического анализа одно. Судя по равномерной затертости венчика по всему периметру, этот баночный сосуд *многократно* передвигали в перевернутом состоянии. В этой связи с большой долей вероятности можно утверждать, что он использовался в качестве атрибута игры («наперстки?»), а не в качестве емкости. В синхронном контексте постройки 1 обнаружено скопление из семи железистых конкреций округлой формы (1 – 1,5 см диаметром), утилитарное назначение которых трудно даже предположить. Правда, в рамках нашей версии они вполне могли использоваться и как

атрибуты такой широко известной игры, как «пять камней» или подобной ей.

До сей поры мы делали акцент на возможном участии взрослых в игровых акциях, однако, главными их субъектами должны быть дети. Археология детства – пока сравнительно молодая отрасль, хотя значимость этой категории населения в традиционных обществах была велика [23]. Трудности изучения вовсе не исключают саму такую возможность, в том числе и в материалах бронзового века. Для описываемого периода доля детских захоронений была очень высока, зачастую превышая 60 %. Эта картина совершенно нетипична для древних кладбищ, однако интерпретация данного обстоятельства не входит в наши задачи. Важно лишь, что дети явно были включены в социальную практику и хорошо представлены археологически. В целом археологические следы участия детей в жизни коллектива могут быть сведены к нескольким позициям: это предметы, изготовленные самими детьми в процессе обучения или игры, и предметы, изготовленные взрослыми для детей: игрушки, предметы одежды, украшения и амулеты, посуда [3, с. 89].

В первую очередь, надо рассмотреть тему игрушек. Исследования на эту тему для других культур, включая обобщающие труды, имеются, хотя чаще связаны с более поздними периодами, чем эпоха бронзы [2]. В составе археологических коллекций, особенно античного времени, обычно выделяется сравнительно небольшое число «общепризнанных» игрушек, специально изготовленных для детей (куклы, погремушки, игрушечные лошадки и др.) [26, р. 126 – 130]. Иногда этот список расширяется за счет миниатюрных изделий, которые, правда, с тем же успехом могут интерпретироваться как вотивы [22, р. 60 etc.]. В подтверждении или опровержении интерпретации находки в качестве игрушки важную роль играет контекст находки, его ассоциация с индивидом или местом. Кроме того, в качестве следов деятельности детей могут фигурировать неумелые копии реальных предметов. Очевидно, что и в этом случае приходится во многом ориентироваться на аналогии, изобразительные источники и кросс-культурные штудии.

Конечно, каждый из вариантов в отдельности может быть оспорен с приведением альтернативных трактовок. С другой стороны, не следует забывать, что в пространство игры обычно вовлекаются обычные предметы. В этой связи нет ничего невозможного, например, в использовании керамических и каменных «пряслиц» в качестве деталей юлы. Трассологические анализы эту версию не могут ни опровергнуть, ни подтвердить. Не следует забывать и о более чем вероятном использовании органических материалов при изготовлении игрушек, что позволяет увидеть их только в условиях уникальной сохранности. Циркумпольное поселение Теутсей-Сале I периода средних веков, например, демонстрирует это с полной наглядностью: здесь были найдены многочисленные деревянные игрушки (луки, стрелы, нарты, волчок и пр.) [16, с. 42, рис. 19, 21 – 22].

Пожалуй, единственным хорошо сохраняющимся в археологических памятниках материалом является глина, которая к тому же сравнительно легко доступна для добычи и обработки. Поэтому не вызывает

удивления, что именно она несет прямые свидетельства приобщения детей к овладению этим материалом. Уже упомянутый анализ серии миниатюрных сосудов поселения Каменный Амбар дает блестящие примеры такого рода. Очевидно, что большинство рассмотренных изделий не могли использоваться в качестве посуды в силу очень малого объема. Мастерство исполнения некоторых артефактов заставляет думать об участии взрослых в производстве, другие же не отличаются высоким качеством исполнения. Более того, на них есть отпечатки ногтей, судя по толщине ногтевой пластины, принадлежащие детям [3, с. 92 – 93]. Насколько мы можем судить по опубликованным и неопубликованным материалам поселений эпохи бронзы Зауралья, миниатюрные формы представлены на большинстве из них. Углубленное изучение керамических коллекций способно существенно расширить круг источников, но и без того ясно, что деятельность детей (в первую очередь, игровая) может и должна изучаться.

На поселениях эпохи поздней бронзы Южного Урала можно встретить немало интересных артефактов, некоторые из которых могут быть также интерпретированы как атрибуты игры или игрушки, но часто либо не рассматриваются исследователями в подобном аспекте, либо предпочтение отдается другим версиям (утилитарное или культовое назначение). На многослойном поселении Чебаркуль III были найдены пять керамических шариков. Со ссылкой на аналогии из других памятников эпохи бронзы З. А. Вершинина причислила их к атрибутам гадания [4]. Не отрицая такой возможности, отметим, что подобные шарики встречены и на европейских памятниках эпохи бронзы, где с той же убедительностью интерпретированы как шарики для игры в «nuts», распространенной у индоевропейских народов [24, р. 345 – 348].

Уникальной находкой можно назвать серию из трех миниатюрных керамических топорики, проис-

ходящих из алакульских материалов поселения Малая Березовая IV [1, с. 129]. Автор раскопок интерпретировала их как амулеты, основываясь в основном на наличии отверстий (для подвешивания?) и аналогиях с «древнерусскими амулетами-подвесками в виде миниатюрных предметов быта» [1, с. 130]. Однако трассологический анализ показал отсутствие следов какого-то бы то ни было использования этих артефактов, включая подвешивание (*прим. автора – Трассологическое исследование выполнено А. Г. Берсеневым (ЭКЦ ГУ МВД по Челябинской области)*). Это означает, что мы не можем с уверенностью установить их назначение и отдать предпочтение какой-то одной версии. Способ, которым были проделаны отверстия – сверление в сырой глине – не предполагает серийного производства таких предметов. Не все изделия удались: один из топорики лопнул при обжиге. Нам представляется, что эти керамические копии настоящих предметов могли быть изготовлены взрослыми или старшими детьми для игровых целей, при этом поделки носили разовый характер, и мастера не имели опыта в их изготовлении.

Заключение

Данная работа является одним из первых опытов поиска в направлении изучения игры по археологическим данным, и нам кажется важным привлечь внимание коллег к этой тематике. Особенно перспективными представляются поселенческие материалы, где протекала повседневная жизнь древних людей, в данном случае людей бронзового века – и взрослых, и детей. Здесь должна была происходить, по меньшей мере, часть ритуалов и игр, здесь изготавливались и терялись (выбрасывались?) их атрибуты, включая и детские игрушки. При соответствующем взгляде на археологические материалы их звучание может существенно измениться, а картина жизни древнего населения обогатится совершенно новыми оттенками.

Литература

1. Алаева И. П. Миниатюрные предметы из материалов поселения бронзового века Южного Зауралья // XVII Уральское археологическое совещание: мат. науч. конф. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 128 – 130.
2. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. 416 с.
3. Берсенева Н. А., Куприянова Е. В., Берсенева А. Г. Следы детства: поиск детей в археологическом источнике и изучение керамических артефактов (эпоха бронзы Южного Зауралья) // Вестник НГУ. (Серия: История, филология). 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 88 – 100.
4. Вершинина З. А. Керамические шарики из материалов поселения Чебаркуль III // XLV Урало-Поволжская археологическая конф. студентов и молодых ученых. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2013. С. 49 – 50.
5. Епимахов А. В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 192 с.
6. Епимахов А. В., Берсенева Н. А. Вариативность погребальной практики синташтинского населения (поиск объяснительных моделей) // Вестник НГУ. (Серия: История, филология). 2012. Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. С. 148 – 170.
7. Епимахов А. В., Берсенева Н. А., Пантелева С. Е. Миниатюрные сосуды поселения Каменный Амбар // Уральский исторический вестник. 2012. № 4. С. 70 – 77.
8. Клейн Л. С. Введение в теоретическую археологию. Книга 1: Метаархеология. СПб.: Бельведер, 2004. 472 с.
9. Клейн Л. С. Происхождение нуля, или Древнейшая эволюция игры в кости между Индом и Дунаем // Стратум: структуры и катастрофы. СПб.: Нестор-История, 1997. С. 47 – 66.
10. Куприянова Е. В. Женский погребальный костюм эпохи средней – начала поздней бронзы Южного Зауралья и Казахстана: на материалах синташтинской, петровской и алакульской культур: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 21 с.

11. Марков С. С. Астрагалы в погребальной обрядности эпохи бронзы Южного Зауралья // Вестник общества открытых исследований древности. Научный альманах. Вып. 1. Челябинск, 2002. С. 39 – 48.
12. Матвеев А. В. Лесостепное Зауралье во II – I тыс. до н. э.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2000. 50 с.
13. Семьян И. А. Воины в культуре населения Южного Урала и Северного Казахстана эпохи бронзы. Погребение кулачного бойца в могильнике Бестамак // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Рифей, 2013. С. 73 – 79.
14. Стефанов В. И., Коряков И. О., Чемякин Ю. П., Кузьминых С. В. Игральные кости из срубно-андроновских памятников Урала и Западной Сибири // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: мат. междунар. науч. конф. "К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы". Самара: НТЦ, 2001. С. 290 – 298.
15. Усманова Э. Р. Погребальный обряд: позиции и символика // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. Караганда-Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. С. 88 – 130.
16. «Ушедшие в холмы». Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке / под общ. ред. Н. В. Федоровой. Екатеринбург: Екатеринбург, 1998. 180 с.
17. Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; Коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
18. Цимиданов В. В. Погребения с раковинами моллюсков в срубной культуре // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул: Азбука, 2009. С. 61 – 66.
19. Чечушков И. В., Епимахов А. В. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Бочкарев В. С., Бужилова А. П., Епимахов А. В. и др. Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Челябинск; Екатеринбург; Самара; Донецк: Рифей, 2010. С. 182 – 229.
20. Юдин А. И. Погребения с астрагалами из Новопокровки-II: служители культа или «игроки»? // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 7. Саратов: Научная книга, 2009. С. 146 – 170.
21. Bersenev A., Epimakhov A., Zdanovich D. Sintashta bow (Bronze Age of the South Trans-Urals, Russia) // M. Uckelmann and M. Modlinger (eds.). Bronze Age Warfare: Manufacture and Use of Weaponry. BAR. S 2255. Oxford: Archaeopress, 2011. P. 175 – 186.
22. Crawford S. The Archaeology of Play Things: Theorising a Toy Stage in the Biography of Objects // Childhood in the Past. 2009. Vol. 2. P. 56 – 71.
23. Kamp K. A. Where Have All the Children Gone? The Archeology of Childhood // Journal of Archaeological Method and Theory. 2001. Vol. 8. № 1. P. 1 – 34.
24. Kristiansen K. The dialectics of gender: Ritualizing gender relations in Late Bronze Age Southern Scandinavia // Med hjärta och hjärna: En vänbok till professor Elisabeth Arwill-Nordbladh. GOTARC Series A, Gothenburg Archaeological Studies, Vol. 5. Göteborg, 2014. P. 339 – 354.
25. Rassadnikov A. Ju., Kosintsev P. A., Koryakova L. N. Chapter 10.2. The osteological collection from the Kamennyi Ambar settlement // R. Krause, L. Koryakova (eds.) Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. P. 239 – 283.
26. Rowson B. Children and Childhood in Roman Italy. Oxford: Oxford University Press, 2003. 419 p.

Список сокращений

ИАиЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
 НГУ – Новосибирский государственный университет.
 УрГУ – Уральский государственный университет.
 ЭКЦ ГУ МВД – Экспертно-криминалистический центр Главного Управления МВД.
 BAR – British archaeological reports.

Информация об авторах:

Епимахов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии РАН, Южно-Уральский филиал (г. Челябинск), eav74@rambler.ru.

Andrey V. Epimakhov – Doctor of History, Associate Professor, Leading Research Associate at the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, South-Ural Department (Chelyabinsk).

Берсенева Наталья Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии РАН, Южно-Уральский филиал (г. Челябинск), bersnatasha@mail.ru.

Natalia A. Berseneva – Candidate of History, Senior Research Associate at the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, South-Ural Department (Chelyabinsk).

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.